

пошла въ магазинъ по врутой лѣстницѣ и съ половины ея, оступившись, скатилась на спинѣ внизъ. Конечно, молодая женщина тутъ же лишилась сознанія...

— За докторомъ, за докторомъ, — топилъ Михайлъ Ивановичъ горничную, а самъ метался около постели какъ помѣшанный.

— Милая Лена, Леночка, что съ тобой, дорогая моя?.. — кричалъ несчастный мужъ и рвалъ на себѣ волосы, но та только глухо мычала, распростершись ничкомъ и вѣрло вѣпившись зубами въ подушку.

Наконецъ пріѣхалъ докторъ.

Разспросивъ, что случилось съ больной, и, насколько возможно, осмотрѣвъ ее, онъ сказалъ, что начево рѣшительнаго онъ сейчасъ сдѣлать не можетъ: тутъ необходимо присутствіе, по крайней мѣрѣ, троихъ докторовъ.

Одѣвшись, докторъ стремительно выбѣжалъ, сказавъ, что сію минуту вернется.

Минуть черезъ двадцать въ спальную комнату вошли три доктора. Больная дико кричала.

Михаила Ивановича чуть не силой удалили изъ спальни комнаты и врачи остались одни. Они дали ей чего-то успокоительнаго и несчастная женщина какъ будто забылась.

Потомъ стали ее осматривать и пришли къ тому, что жизнь ее въ опасности.

Чего чего не предпринимали доктора, — но... человѣческій слабый умъ бессиленъ тамъ, гдѣ проявляется воля Того, въ чьихъ рукахъ жизнь и слабago человѣка.

Елена Александровна къ вечеру разрѣшилась неблагополучно мертвымъ ребенкомъ и... умерла...

Когда сообщили Михаилу Ивановичу роковую вѣсть, онъ, повидимому, при-

нялъ ее равнодушно; только судорога прошла мгновенно по его лицу, да глаза его необыкновенно какъ-то расширились. Ни стога, ни вздоха, ни слезинки...

Въ ясный майскій день, когда вся природа правдновала, встрѣчая юную весну, по улицѣ медленно двигалась огромная процессія: духовенство, экипажи, множество народа...

Хоронили Елену Александровну Проскурову...

Впереди несли большой гробъ, обшитый золотою парчей, весь усыпанный прекрасными живыми цвѣтами.

Прекрасное лицо усопшей, обрамленное бѣлыми розами, было торжественно спокойно и какъ будто улыбка застыла на немъ, — та неземная, трогательная улыбка, которая заставляет содрогаться человѣческое сердце, и смыслъ который слабый человѣческій умъ не въ состояніи постигнуть.

Казалось, что молодая женщина сейчас только заснула, но, вотъ, она взмахнеть своими бархатными темными рѣсницами и откроетъ чудные голубые глаза...

А можетъ быть она только щурить ихъ, потому что больно смотрѣть на яркое солнышко, которое съ высоты синяго неба ударяетъ жгучими лучами своими прямо въ лицо...

Но, нѣтъ, она спить... не увидать очи ея яснаго солнышка; не подыметъ больше роскошная грудь ея и не вымолвятъ коралловые уста ея ласковаго слова тому, который безмолвно идетъ за ея гробомъ...

Похоронили молодую женщину на кладбищѣ за городомъ, въ фамильномъ склепѣ.

Поминали были богатые: много ѣли, много пили. Говорили потомъ о нихъ не мало.

Но, странно, Михаилъ Ивановичъ нисколько не горюетъ: неужели ему не жаль такой прекрасной, милой жены своей, — хоть-бы одна слезинка, — думали окружающіе его,

Михаилъ Ивановичъ дѣйствительно во все время поминальнаго обѣда казался совершенно равнодушнымъ. Онъ не проронилъ ни одного слова, не дотронулся ни до одного блюда, только глаза его какъ-то загадочно были устремлены въ одну точку...

Погрузился, будто въ сонъ, обширный домъ Проскуровыхъ. Не слышно ни смѣха, ни говора, ни тихой милой пѣсенки, еще такъ недавно раздававшейся въ дѣтской комнатѣ, около колыбели маленькаго Шуры...

Въ домѣ, вромѣ горничной, жила старая няня, Егоровна, носившая когда-то на своихъ рукахъ молодого хозяина. Стала она съ безпокойствомъ замѣчать, что съ молодымъ вдовцомъ творится что-то неладное. Сидитъ онъ съ утра до вечера запершись въ своемъ кабинетѣ одинъ и нѣтъ въ нему никому доступа. Приказчики изъ магазина, являющіеся по дѣламъ, ни могли ни разу съ нимъ повидаться и уходили отъ дверей кабинета, въ недоумѣніи, пожимая плечами...

„Но, чѣмъ же онъ сытъ, — думаетъ Егоровна, — обѣда онъ ни рауъ, вотъ уже въ теченіи недѣли со дня похоронъ, не потребовалъ и не выходитъ днемъ изъ кабинета; только раздаются тихіе шаги его по кабинету съ утра и до ночи“...

Но какъ только настанетъ ночь, — такъ ровно въ девять часовъ онъ выходитъ изъ кабинета; безмолвно одѣвается и идетъ изъ дома, не обмолвившись ни съ кѣмъ единымъ словомъ, — неизвестно куда.

XI

Послѣ же полночи онъ такъ же тихо возвращается домой и запирается въ своемъ кабинетѣ.

Но, куда онъ ходитъ по ночамъ и что дѣлаетъ въ своемъ кабинетѣ, — для всѣхъ было тайной.

Когда возвращается онъ за полночь домой и запирается въ кабинетѣ, то слышенъ тамъ какой-то странный шумъ: не то самоваръ кипитъ, не то... да Богъ знаетъ что, и понять не возможно.

Стало какъ-то жутко въ домѣ отъ этой таинственности

Однажды горничная Глаша, очень бойкая дѣвушка, вела такой разговоръ со старой Егоровной:

— Вотъ что, няня, я надумала: когда уйдетъ вечеромъ Михаилъ Ивановичъ, давай просверлимъ въ двери кабинета маленькую дырочку и подсмотримъ..

— А, вѣдь, и то дѣло, Глашенъка, чай, я думаю, грѣха тутъ большого нѣтъ... по крайней мѣрѣ узнаемъ, что онъ, бѣдный, тамъ дѣлаетъ... Экая ты догадливая, а мнѣ и невдомекъ старой..

Когда, въ слѣдующій вечеръ, Михаилъ Ивановичъ вышелъ изъ дома, то Глаша взяла заранѣе принесенный буравъ и просверлила въ двери кабинета двѣ дырочки...

Лишь только Михаилъ Ивановичъ возвратился около полуночи, и въ дверяхъ его кабинета щелкнулъ ключъ въ замкъ, Глаша была уже у двери. Неслышно припала она къ маленькому отверстию и впиалась глазами.

Видитъ она, какъ Михаилъ Ивановичъ зажегъ лампу на письменномъ столѣ; потомъ поставилъ мѣдную керосиновую кухню... Вынимаетъ изъ одного кармана какіе-то инструменты, а изъ другого бумажный свертокъ... Въ сверткѣ оказалось мясо... Въ минуту изрѣзалъ онъ его мелкими кусками и положилъ на сковородку, предваритель-но поливъ масломъ,

Скоро мясо на огнѣ зашипѣло и чрезъ нѣсколько минутъ было готово. Михайль Ивановичъ съ жадностью сталъ глотать куски... Потомъ, убравъ все со стола въ шкафъ, сѣлъ въ кресло и погрузился въ глубокую думу.

Все, что видѣла Глаша, повторилось на другой и на третій день. Обѣ, и Глаша и Егоровна недоумѣвали: что-бы это значило.

Черезъ три дня Глаша разсказала обо всемъ довѣренному, по секрету; тотъ только пожалъ плечами.

Когда на четвертый день, въ обычный вечерній часъ Михайль Ивановичъ вышелъ на прогулку, за нимъ незамѣтно слѣдовали довѣренный и старшій приказчикъ.

Видятъ: ихъ хозяинъ направляется къ кладбищу, они за нимъ... Вотъ скрипнули кладбищенскія ворота—они поспѣшили въ оградъ и затаили дыха-

ніе... Раздался звукъ отворяющихся дверей... Михайль Ивановичъ вошелъ въ склепъ и затворился...

Все это они хорошо видѣли, такъ какъ склепъ былъ всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ограды...

Но что же дѣлаетъ онъ тамъ? — недоумѣвая думали оба; какой-то еле слышный стукъ раздается изнутри склепа: будто удары молотка...

Посмотрѣть было нельзя, — двери были глухія...

Смутная, но странная догадка мелькнула въ умъ довѣреннаго, но онъ не высказалъ ее прикащику, а на другой день имѣлъ таинственный разговоръ съ полицейскимъ надзирателемъ.

Въ тотъ же вечеръ надзиратель съ троими городовыми устроилъ засаду около кладбища...